
ШТАНДАРТЪ
Верные
до смерти
Жизнеописания князя ВАСИЛИЯ ДОЛГОРУКОВА,
генерала ИЛЬИ ТАТИЩЕВА, матроса КЛИМЕНТИЯ
НАГОРНОГО и лакея ИВАНА СЕДНЕВА,
которые послужили до смерти
святой Царской семье

Святая Царская семья. *1913 год*

Что такое истинная любовь? Простой и ясный ответ есть в Евангелии: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 13, 15). Так сказал Сам Господь.

В этой книге рассказывается о людях, которые любили Бога и ближних больше, чем самих себя, не жалея даже своей жизни. Это верные подданные святой Царской семьи — князь Василий Долгоруков, генерал Илья Татищев, матрос Климентий Нагорный, боцманмат Иван Седнев. Для нас они особенно близкие и родные, потому что свой земной путь они завершили в Екатеринбурге и упокоились на кладбище нашей обители. Вспомним, кто были эти верные и благородные люди.

«ВАЛЯ»

Князь Василий Александрович Долгоруков, гофмаршал министерства Императорского двора и уделов (1868–1918)

Он был человеком немногословным и в обществе неприметным. Не любил шумных развлечений и торжеств, не склонен был делиться с окружающими своими чувствами. И мало кто знал, какое горячее, исполненное любви сердце бьется в его груди.

Князь Василий Александрович Долгоруков поступил на службу в свиту государя императора Николая II в двадцать восемь лет. Император очень любил его и дружески называл Валей. Служение Василия Долгорукова Государю продолжалось двадцать два года и прекратилось только с мученической кончиной обоих.

Отличительной чертой князя Долгорукова была его самоотверженность, умение забывать о себе ради других. В своем образе жизни он был непритязательным и скромным, несмотря на то, что постоянно находился при дворе. Он был открытым и простым в общении и всегда уклонялся от любых придворных интриг и сплетен. Ему были присущи безукориз-

ненная честность и высота духа. Протопресвитер Георгий Шавельский писал о нем: «Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений». Свое служение при Государе князь Долгоруков нес с полным забвением себя.

В полной мере его самоотверженность, честность и благородство проявились во время революционных событий. Князь Долгоруков до последнего момента не верил в возможность революции: будучи идеально честным и преданным, он не мог себе представить низости и предательства со стороны других людей. После низложения Императора в марте 1917 года, князь Василий Долгоруков стал единственным из всех членов свиты, находившихся в ставке, кто добровольно последовал за Государем под арест. Для князя не имело значения, что тем самым он обрекает себя на страдания. Он думал только о том, как поддержать и утешить Государя в этих трагических обстоятельствах. В сильном волнении, переживая за Царя он повторял: «Не нужно преследовать своих личных интересов, а беречь его интересы».

Полковник Е. С. Кобылинский рассказывал впоследствии о том, как он встречал поезд, на котором Государь в марте 1917 года прибыл в Царское село: «Я не могу забыть одного явления, которое я наблюдал в то время. В поезде с Государем ехало много лиц свиты. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают. Сцена эта была весьма некрасива». Государь быстро вышел из вагона, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в ожидавший его придворный автомобиль. Из всех, сопровождавших Государя в поезде, лишь один верный князь Василий Долгоруков

последовал за ним. С достоинством, словно не замечая обращенных на него взглядов, он занял место в машине рядом с Императором. Среди общего страха и предательства Василий Александрович сохранил мужество и силу духа. Даже убежденные противники монархии отмечали, что в те дни из свиты Императора «с действительным достоинством держал себя только обер-гофмаршал Высочайшего двора князь Долгоруков». Прибыв во дворец и став свидетелем встречи Государя с бывшими придворными, которые не проявили к Императору ни малейшей почтительности, князь Долгоруков не мог удержать слез: ему было очень больно за любимого монарха. Во все время пребывания под арестом в Александровском дворце князь постоянно был рядом с Царем, вместе с ним гулял, трудился. Он разделял с ним и горечь уничижений, которые терпел Государь и от караульных, и от толпы зевак, каждый день собиравшихся у ограды Александровского дворца.

Василий Долгоруков сопровождал Августейших узников и в Тобольск, стараясь и там всячески облегчать их жизнь. В заключении стала гораздо глубже вера Василия Александровича. Он с любовью и благоговением участвовал во всех богослужениях, каждый день с верой молился Господу о ниспослании Его всесильной помощи и утешал других, советуя возлагать всю печаль на Бога. Его письма близким из Тобольска проникнуты искренней верой в Бога и надеждой на Его заступление. «Я молю Бога о помощи», — писал он своей престарелой матери. «Я молюсь Богу, чтобы Он заботился о вас и дал вам силы и мужество, чтобы перенести все эти ужасы. Будем верить, что один Бог хранит нас, и не будем забывать о Нем…». «Я не падаю духом и молюсь».

Вера укрепляла князя Василия Александровича и помогала ему, как и другим узникам, переносить тяготы ссылки

в Тобольске. Во время Великого поста Василий Александрович вместе с Царской семьей усердно говел, посещал все богослужения, готовился к Исповеди и Причастию. «Мы молились всю эту неделю и сердцем я полностью с вами. Подумайте обо мне сегодня и простите меня. Нам разрешается ходить в церковь в среду, пятницу и в субботу с утра. В другие дни богослужение проходит в зале большого дома», — писал Василий Александрович своим родным во вторник первой седмицы.

Из писем князя Василия Александровича видно, что и во время добровольного заключения в Тобольске он думал не о себе, а о своих страдающих ближних. «Нам часто очень больно за них», — писал он родным о Царской семье. Условия жизни в ссылке были и для него самого, конечно, очень тяжелы в сравнении с прежней жизнью в столице. Однако он не прилагал особых усилий, чтобы улучшить свое существование (как это делали некоторые другие члены свиты), но старался сделать все возможное, чтобы хоть как-то облегчить жизнь Августейших узников: заботился о хозяйстве семьи, об условиях проживания и оплате служащих, пытался найти денежные средства. Он, как мог, развлекал Царских детей, чтобы им легче было переносить тяготы заключения. По воспоминаниям Татьяны Мельник-Боткиной, царские дочери зимой во дворе часто «устраивали… грандиозную возню с Алексеем Николаевичем, князем Долгоруковым и Жильяром… Они все неистово боролись, сбрасывая друг друга в снег, и громко смеялись». Это нашло отражение и в дневнике Государя: «Гуляли долго, дети, как всегда, возились отчаянно с В. Долгоруковым и господином Жильяром». Василий Александрович вместе с врачом Евгением Боткиным взял на себя неприятную обязанность — общаться с представителями новой власти

и передавать им просьбы Царской семьи. Князь неоднократно ходатайствовал перед комиссаром Панкратовым о предоставлении узникам более свободного режима, о разрешении им прогулок по городу и окрестностям, о посещении храма.

В апреле 1918 года князь Василий Долгоруков был избран сопровождать Государя, Государыню и великую княжну Марию Николаевну, которые были вынуждены покинуть Тобольск по приказу Чрезвычайного комиссара ВЦИК В. В. Яковлева. По прибытии в Екатеринбург князь был сразу же арестован и заключен в арестный дом. В тюрьме он сильно страдал от почечных колик и болезни предстательной железы, но и в «ужасных страданиях», как сам он выражался, он сохранял верность Государю и написал несколько заявлений в Уральский облсовет с просьбой о переводе к остальным узникам в дом Ипатьева. Все его просьбы остались без ответа. По воспоминаниям находившегося в то время в той же тюрьме князя Г. Е. Львова, князь Долгоруков «сильно убивался по поводу отобрания у него комиссаром тюрьмы царских денег», «Долгоруков был сильно потрясен всем случившимся с ним; Царской семье предан». Василий Александрович, даже находясь в тюрьме, старался позаботиться о Царской семье: он неоднократно обращался из тюрьмы к вице-консулу Великобритании Томасу Престону, умоляя его помочь Августейшим узникам.

28 мая / 10 июня 1918 года вместе с генералом Ильей Татищевым он был расстрелян большевиками на окраине Екатеринбурга. Тела их впоследствии были найдены и погребены сестрами Ново-Тихвинского женского монастыря. Так князь Василий Александрович Долгоруков исполнил делом возвышенную заповедь Евангелия: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.*

ГЕНЕРАЛ, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ЕВАНГЕЛИЕ НАИЗУСТЬ

Илья Леонидович Татищев, генерал-адъютант (1859–1918)

«Благородный, идеально честный», «человек трогательной доброты» — так отзывались о нем современники. И даже люди, которые в силу обстоятельств были его противниками, говорили о нем: «Он вел себя достойно», «он не имел презрения к людям». Илья Татищев был исполнен благородства и любви к ближним, всем сердцем любил Евангелие, которое знал наизусть и исполнял жизнью.

Он родился в 1859 году в семье полковника Леонида Татищева. Родители дали ему хорошее образование, но, главное, вложили в его сердце любовь к Священному Писанию и научили милосердию. С детства Илья любил Евангелие. Когда он в двадцать лет начал военную службу, мать подарила ему как благословение на дальнейшую жизнь четыре маленьких Евангелия, с которыми он не расставался.

Вся жизнь Ильи Татищева проходила в служении Отечеству: он служил адъютантом у членов Царского дома, был

представителем Государя при германском императоре Вильгельме II. Сослуживцы и начальствующие говорили об Илье Татищеве, что трудно представить себе более достойного и преданного человека. Обладая милостивым сердцем, И. Л. Татищев охотно помогал ближним, часто, по заповеди Евангелия, делая больше, чем его просили. Так, однажды он, приехав поздно вечером домой, обнаружил телеграмму от своего знакомого, который просил посоветовать хорошего педиатра для его больного ребенка. Илья Леонидович тут же отправился к друзьям собирать информацию, потом поехал в детскую клинику и вскоре отправил ответную телеграмму с собранными сведениями. Один из его друзей за его всегдашнюю готовность исполнять желания ближних называл его «золотой рыбкой».

По свидетельствам современников, Илья Татищев вел жизнь добропорядочную, был человеком скромным и серьезным. Глубокую веру Ильи Леонидовича раскрывает следующий случай. Во время одной из поездок вместе с ним в поезде оказался офицер Александр Карамзин. Однажды, зайдя в купе к Татищеву, он увидел его читающим маленькую книжечку. Этот случай Карамзин описал в своих воспоминаниях: «Заложив книжечку пальцем, Илья Леонидович поднял на меня светлые детские глаза.

— Что это у вас за книжечка, Ваше Превосходительство? — спросил я. — Смахивает на шпаргалку.

Он искренне рассмеялся.

— Эта книжечка, дорогой мой, мала, но дороже всех книг в мире.

И показал мне крохотное Евангелие. Печать в Евангелии была слишком мелкая, и я поинтересовался:

— Смею спросить, Ваше Превосходительство, а как Вы читаете без очков?

— А я помню текст наизусть и просто держу ее в руках. Как шпаргалку, — и снова засмеялся. — Вам они нравятся? Эти не отдам, то — подарок-благословение моей мамы. Но подарю непременно Вам такие же.

И действительно, через неделю он мне их вручил с советом читать, чаще думать о прочитанном и стараться делать в жизни все, что возможно, по Евангелию... Эти книжицы я возил с собой всю войну. При одном взгляде на них я слышал его слова — "жить по Евангелию" — и передо мной вставало чудное, полное доброты и света лицо Ильи Леонидовича».

Эта исключительная любовь генерала Татищева к Евангелию дает возможность понять, каким образом ему удавалось в тяжелейших жизненных обстоятельствах сохранять любовь к Богу и ближним. Благодаря постоянному чтению Евангелия и стремлению жить по нему, из сердца Ильи Леонидовича изливался мир, а его искренность, простота и любовь к ближним запоминались всем, кто с ним общался.

В 1917 году начался новый период в жизни Ильи Леонидовича Татищева. Как вспоминал сын доктора Боткина Глеб, после Февральской революции среди придворных началась «оргия трусости и презренной неверности. Большинство не теряли времени и делали все, чтобы убежать». На этом фоне ярко выделялось благородное поведение генерала Татищева. Именно он сразу согласился последовать за Царской семьей в ссылку в Тобольск. Первоначально Государь предложил это одному генерал-майору, но тот попросил дать ему на обдумывание 24 часа, и Государь отказался от его услуг. Затем Царь сделал то же предложение генералу Татищеву, и тот немедленно согласился, несмотря на то, что в Петрограде у него оставалась престарелая больная мать. Он говорил: «Кому позволила бы совесть отказать Государю в такую тяжелую минуту!

Было бы нечеловечески черной неблагодарностью за все благодеяния идеально доброго Государя даже думать над таким предложением, нужно было считать его за счастье». Поручив свою любимую мать Господу и Божией Матери, генерал Татищев, взяв с собой совсем немного вещей, с одним чемоданом в руке отправился в Царское село и затем вместе с Царской семьей в Тобольск.

В Тобольске генерал Татищев неизменно сохранял свое мирное устроение и подбадривал окружающих. Впоследствии о нем писали: «Благородный и идеально честный Илья Леонидович, с христианской душой и кротким характером, стал в Тобольске общим любимцем. С большим запасом духовных сил, он умел быть всегда спокойным, внося бодрость в окружающих». «Татищев был человек христианской души и кротчайшего характера», «проникнутый духом христианского милосердия».

Безграничная любовь Ильи Леонидовича к ближним трогала и самые черствые сердца. К нему хорошо относился даже такой человек, как Николай Родионов, командир отряда красногвардейцев, охранявших Царскую семью в Тобольске — человек, «не знавший жалости». По воспоминаниям Пьера Жильяра, «увидев Татищева, Родионов сказал ему: “Я вас знаю. Я вас видел в Берлине. Вы — хороший человек. Вы никогда не имели презрения к людям. Я готов вам помогать, как могу”. Татищев ответил: “У меня есть одна просьба, и я буду благодарен, если вы ее исполните. Прошу, чтобы меня не отделяли от Государя”. На это Родионов сказал: “Я буду стараться, но я только член областного комитета и больше ничего”». После этого разговора Родионов стал предупредительным с Татищевым и оказывал ему знаки внимания. Именно через Татищева заключенные стали обращаться к Родионову с разными просьбами.

Когда Император был отправлен в Екатеринбург, Илья Татищев в отличие от многих ясно понимал, что приближается конец, и ждал этого без страха, с мужеством и упованием на Бога. Глеб Боткин писал: «Генерал Татищев сохранял глубочайшее спокойствие. Он говорил с тихой улыбкой: "Я приехал сюда, зная, что мне не удастся спастись. Все, что я прошу, это чтобы мне разрешили умереть с моим Императором"».

Прибыв в мае с Царскими детьми в Екатеринбург, Илья Леонидович был сразу разлучен с ними: Царских детей отвезли в дом Ипатьева, а местом заточения генерала Татищева стал арестный дом. В тюрьме он довольствовался скудным пайком. Ему разрешили покупать продовольствие, но он отказался. У него были только деньги Царской семьи, и он даже помыслить не мог о том, чтобы использовать их для себя. Обстановка в тюрьме была тяжелой. Почти каждую ночь вызывали кого-либо на расстрел. Генерал Татищев, забывая о себе, старался утешить тех, кто находился рядом. Мужественно переносить заключение Илье Леонидовичу помогала молитва и знание наизусть Евангелия.

28 мая / 10 июня 1918 года стало последним днем жизни генерала Татищева. Вместе с князем Долгоруковым он был без суда и следствия расстрелян на окраине Екатеринбурга в лесу возле Ивановского кладбища. Тела были брошены на месте убийства; их нашли через некоторое время. Останки были погребены сестрами Ново-Тихвинского монастыря.

Убийство Татищева вызвало удивление у многих людей. Поручик Толстоухов вспоминал: «Столь зверское убийство было для нас… загадкой, так как такой человек, как И. Л. Татищев, необыкновенно добрый, отзывчивый

человек, казалось, даже таких озверевших людей, как большевики, не мог вызвать на убийство».

Генерал Татищев был для своих современников образцом благородства, честности, верности своему долгу и безграничного терпения. Полковник Федор Винберг писал: «Он дал пример всему русскому дворянству, как следует вести себя человеку, верному заветам чести не только на словах и в то время, когда все идет благополучно, но и в самых трудных условиях трагически обернувшейся обстановки жизни. Если бы у русского Царя было больше таких дворян, как Татищев, то не только не смогла бы революция оказать такого губительного действия на нашу Родину, но самой революции не было бы…».

Генерал Татищев всегда старался жить по Евангелию, заповеди Христовы стали для него внутренним стержнем. И во время испытаний он вел себя так, как повелевала ему христианская совесть и безграничная любовь, которую он носил в своем сердце. Заповеди Христа он исполнил до конца, вплоть до положения жизни за друзей своих.

«СВОЕГО ЦЕСАРЕВИЧА Я НИКОГДА НЕ ПОКИНУ!»

Климентий Григорьевич Нагорный, матрос, дядька цесаревича Алексея Николаевича (1887–1918)

Его имя в переводе с латинского значит «милостивый». И действительно, Климентий Нагорный имел сострадательное сердце, полное любви, благодаря чему он смог достойно нести очень высокое и ответственное служение при больном наследнике Российского престола цесаревиче Алексее.

Климентий Нагорный родился в 1887 году в семье рядового Российской армии. Воспитывался Климентий в благочестии, с детства хорошо знал богослужение и любил храм. Как рассказывал он позже императрице Александре Феодоровне, с детских лет он читал и пел в сельском храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Образование Климентий получил в сельской церковно-приходской школе.

В двадцать один год он был призван на военную службу, определен в Морской Гвардейский экипаж и вскоре направлен на личную яхту Августейшей семьи «Штандарт».

Во время плаваний на яхте он был, в числе других матросов, назначен дядькой к царским дочерям. Капитан Николай Саблин писал: «Мы старались выбрать для этого самых лучших и славных русских матросов. Одного из них, Нагорного, потом приняли на службу к Наследнику». Императрица Александра Феодоровна с большим вниманием относилась ко всему, что касалось ее детей. Она видела искреннюю заботу матроса Нагорного о своих дочерях, его жизнерадостность, благочестие, самоотверженность и простоту, и она решилась именно ему доверить своего тяжелобольного ребенка. Матрос Нагорный получил это назначение в 1913 году.

На Климентия Нагорного легла большая ответственность, ведь от малейшего недосмотра ребенок мог получить смертельную травму. Требовалась полная самоотдача. Климентий Нагорный преданно служил Цесаревичу, разделяя с ним скорби и радости, до самой смерти. Он отдавал ему все свои силы, отчего так и не создал своей семьи.

С началом Первой мировой войны Государь вместе с Наследником не раз выезжал в Ставку. При этом всегда был рядом матрос Нагорный, которого мальчик очень любил. Во время одной из таких поездок Цесаревич простудился, у него открылось кровотечение из носа. Пришлось срочно возвращаться в Царское село. По дороге состояние Цесаревича ухудшилось, от потери крови он дважды находился в обмороке. Всю ночь Климентий, не шевелясь, поддерживал его голову на должной высоте, подложив под нее вытянутую руку. К утру кровотечение уменьшилось, и только тогда верный слуга смог высвободить затекшую руку и немного отдохнуть.

Климентий остался верным Царской семье и после событий 1917 года. После ареста Государя всем слугам было предложено выбрать: покинуть дворец в течение несколь-

ких часов или остаться в качестве арестованных. Матрос Нагорный предпочел остаться под арестом. Он понимал, что, оставаясь при Царе, тем самым навлекает на себя ненависть бывших товарищей по службе — революционно настроенных матросов, которые когда-то служили на «Штандарте». Они писали ему письма, в которых угрожали ему смертью. Однако Климентий до конца сохранил твердость. Капитан Георгий Граф писал: «Мне передавали, что, когда Нагорному предлагали покинуть Царскую семью, он дал полный достоинства ответ: “Своего Цесаревича я никогда не покину!”».

В то время большим утешением для Царской семьи была молитва. Государь с семьей и все слуги часто присутствовали на богослужениях и усердно молились. Вера и молитва особенно объединяли всех узников, в том числе и Климентия Нагорного.

Климентий был среди тех немногих, кто добровольно последовал за Царской семьей в ссылку в Тобольск в августе 1917 года. В Тобольске он жил с Цесаревичем в одной комнате, служа ему днем и ночью. Вместе с Царственными страстотерпцами Климентий Григорьевич посещал все богослужения. Когда Императрица решила создать свой хор для пения на службах, в него вошел и Климентий — единственный из всех членов свиты и слуг. Он пел и читал во время служб в домовой церкви.

Присутствие Климентия Нагорного было поддержкой и отрадой не только для больного Цесаревича, но и для всех узников. Как вспоминала дочь доктора Боткина, Татьяна, один взгляд на «открытое, честное лицо этого светло-русого великана» приносил надежду и уверенность; он всех ободрял своей безграничной преданностью и бодростью духа.

В конце марта у Цесаревича произошел сильный приступ, он оказался прикован к постели. Климентий преданно ухаживал за ним. После отъезда Государя с супругой, дочерью и некоторыми слугами в Екатеринбург в апреле 1918 года, Климентий Нагорный остался в Тобольске с больным Наследником.

При переезде остальных членов Царской семьи в Екатеринбург в мае 1918 года, Климентий неотлучно сопровождал больного Цесаревича. На пароходе, на котором плыли до Тюмени, Нагорный бранился с комиссаром Родионовым из-за того, что тот по ночам запирал Цесаревича в каюте. При этом Климентий понимал, что ожидает его за эти конфликты, и как-то сказал няне Александре Теглевой: «Меня они, наверное, убьют. Ну, пусть убивают, а все-таки я их, хоть одного-двух, да поколочу!»

Когда узники прибыли в Екатеринбург, в Ипатьевский дом, от них потребовали расписку о добровольном подчинении режиму заключения Царской семьи. Дал такую расписку и Нагорный. Он оставался тем же преданным слугой, ухаживая за больным Цесаревичем днем и ночью. О самоотверженности Нагорного писал доктор Боткин: «Алексей Николаевич так невыразимо страдает, что никто из родных не в силах долго выдержать ухода за ним. Клим Григорьевич Нагорный после нескольких бессонных ночей сбивается с ног». О том же есть свидетельство в дневнике Императрицы: «27 мая. У Бэби снова была нехорошая ночь. Евгений Сергеевич Боткин дежурил часть ночи, чтобы дать Нагорному выспаться». Для Климентия это была последняя ночь рядом с Царской семьей. Днем 14/27 мая он и лакей Иван Седнев были отправлены в арестный дом.

Государь и Государыня очень беспокоились о своих слугах и ждали их возвращения. 25 июня / 8 июля Императрица

писала: «Бэби кушает хорошо, и его стало трудно носить на руках; безжалостные, они не хотят возвращать нам Нагорного». Но в это время матроса Нагорного уже не было в живых. 15/28 июня он вместе с Иваном Седневым был убит на окраине Екатеринбурга. Последнее в своей жизни испытание Климентий перенес с мужеством мученика. Идя к месту казни, он ободрял других «смертников». Об этом стало известно из рассказа одного из приговоренных, которому удалось бежать.

Вся жизнь Климентия Григорьевича Нагорного была подвигом любви, веры и верности. С тех пор как он поступил на службу к Царской семье, он уже больше никогда не жил для себя, но все свои силы и любовь отдавал больному Цесаревичу. С ним и со всей Царской семьей матрос Нагорный оставался неразлучен и в благоденствии, и в изгнании. Непобедимая бодрость духа, простота, отвага и преданность Климентия были поддержкой для Царской семьи в то время, когда многие отвернулись от нее. И, конечно, только твердая вера и упование на Бога могли дать Климентию силы оставаться таким стойким во всех испытаниях, так что и в смерти он остался истинным христианином, в последние минуты жизни оказывая милость ближним.

«ВСЕ ДЕЛАЙТЕ ОТ ДУШИ, КАК ДЛЯ ГОСПОДА, А НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКОВ»

Иван Дмитриевич Седнев, боцманмат, лакей 2-го разряда при Царских детях (1881–1918)

Святая Царская семья с большой сердечностью и теплом относилась к людям любого звания, будь то первый сановник государства или младший из слуг. Иван Дмитриевич Седнев, по происхождению крестьянин, по должности лакей, был любим Царской семьей, как родной человек. Государыня Александра Феодоровна была крестной матерью его старшей дочери Ольги, а великая княжна Ольга Николаевна — крестной матерью его сына Дмитрия. Иван Дмитриевич Седнев отвечал Царской семье глубокой взаимной любовью, которую доказал тем, что вместе с нею добровольно отправился в заключение в Тобольск и в Екатеринбург, оставив свою собственную семью.

Иван Седнев родился в 1881 году в крестьянской семье в Ярославской губернии. В положенное время он был призван

на службу; служил в Гвардейском экипаже на Императорских яхтах «Полярная Звезда» и «Штандарт», дослужился до звания боцманмата. Как один из самых усердных и добросовестных служителей, он получил от Царской семьи предложение продолжить службу в качестве лакея при Высочайшем дворе. Службу эту Иван Седнев начал в 1909 году. Когда на службу при дворе поступил матрос Климентий Нагорный, они с Иваном крепко подружились.

Иван Седнев исполнял свое служение не за страх, а за совесть, по апостольскому слову: *Все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков* (Кол. 3, 23–24). За свое служение Седнев не раз удостаивался от Царской семьи почетных наград.

С началом Февральской революции боцманмат Седнев был уволен новой властью в бессрочный отпуск. Однако отбыть в отпуск он не пожелал и предпочел остаться с Царской семьей под арестом в Александровском дворце. Свою жену и малолетних детей он отослал на родину в Ярославскую губернию.

Иван Седнев стал одним из тех, кто своей верностью утешал Царскую семью в Тобольске и в Екатеринбурге. В доме Ипатьева он выполнял не только свои обязанности лакея, но и повара: он искусно готовил для Государыни вермишель, которая была почти единственной ее пищей. Государыня писала в дневнике: «У Седнева сегодня превосходная вермишель и хлеб с маслом».

Верность Ивана Седнева стала причиной того, что его скоро удалили из Ипатьевского дома. Вместе с Климентием Нагорным он не дал охранникам забрать у Цесаревича цепочку с образками. За это двух верных слуг отправили в тюрьму.

15/28 июня 1918 года Иван Седнев вместе с Климентием Нагорным и несколькими заложниками приняли мученическую кончину от рук большевиков недалеко от Екатеринбурга. Оба они были погребены на кладбище Ново-Тихвинского монастыря.

Дорогие братья и сестры!
Если вам известны случаи чудесной помощи по молитвам верных царских слуг, пожалуйста, пишите нам по адресу:

620063 г. Екатеринбург, ул. Зеленая Роща, 1, Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, или по электронной почте: stukova1@sestry.ru

СОЗВЕЗДИЕ ПРЕДИВНОЕ

Жития новомучеников и исповедников Екатеринбургской митрополии

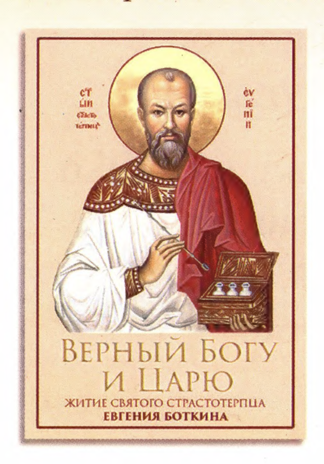
В ДВУХ ЧАСТЯХ

Звезды на церковном небосклоне – так поэтично названы екатеринбургские святые в посвященной им службе. Большинство из них — новомученики, пострадавшие в XX веке. Эти подвижники совершили свой подвиг в тяжелейших условиях, им было гораздо труднее, чем мученикам первых веков христианства. Во времена новомучеников вера оскудела и благодать умалилась, но они и в тяжких испытаниях остались верными Господу Иисусу Христу, показав, что для них главное в жизни — Бог. Многие воспоминания и документы публикуются впервые, цитируются редкие печатные издания. Книга богато иллюстрирована старинными и современными фотографиями и будет интересна для самого широкого круга читателей.

ВЕРНЫЙ БОГУ И ЦАРЮ

Житие святого страстотерпца Евгения Боткина

«Он пришел в мир ради людей», — писали о докторе Боткине. Евгений Сергеевич Боткин, лейб-медик последнего русского императора Николая II, никогда не жил ради себя; в больнице, на фронте, на службе у Царской семьи он все свои силы и любовь отдавал другим людям. И всей своей жизнью он подтвердил ту истину, о которой сам писал в одном из писем: «Если душа человека добра и чиста, она звучит так дивно, так чудно, как никакая самая великолепная музыка». Житие святого страстотерпца Евгения Боткина составлено на основании воспоминаний современников, архивных документов, писем святого Евгения и его близких; многие сведения и фотографии опубликованы впервые.

Благословение Александро-Невского Ново-Тихвинского монастыря. 2019